
Рия Улму
кавказский
БРАТ МУЖА
его по праву
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Рия Уллу

Кавказский брат мужа. Его по праву

https://litres.ru/74713317
SelfPub; 2026

Аннотация

— Я твоя невестка! И я не люблю тебя, Алан!

— Не любишь? — он горько рассмеялся, и его пальцы обхватили мою руку, прижимая ладонь к своей груди. Под тонкой тканью рубашки я чувствовала бешеный стук его сердца. — Не ври себе. Ты ведь тоже помнишь тот поцелуй, Оксана? Он до сих пор жжёт мне губы.

— Алан, пожалуйста... — в моем голосе слышались и мольба, и отчаяние, и та самая запретная страсть, которую я тщетно пыталась задавить. — Мы не можем... Это безумие.

— Безумие? — он прошептал, и его губы почти коснулись моих. — Нет. Безумие — это отказываться от себя. От своих чувств. От того, что принадлежит тебе по праву...

Он перехватил мою руку и впился мне в запястье горячим поцелуем, от которого по телу побежали мурашки

— Ты — моя. С первого взгляда. И я заберу тебя. Рано или поздно.

Судьба распорядилась жестоко: на помолвке сестры её жених внезапно передумал и выбрал меня в жены. Теперь меня ожидает нежеланный брак, а внутри жжёт пламя запретной любви к его брату.

Содержание

Глава 1. Невеста 5
Глава 2: "Любимый" брат 14
Глава 3. Год назад 21
Глава 4. Эхо прошлого 26
Глава 5. Первый поцелуй 33
Глава 6. Запретное признание 38
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Рия Уллу
Кавказский брат мужа. Его по праву

Глава 1. Невеста

Оксана

Воздух в доме пах старыми коврами, травами, которые тётя Амина добавляла в каждое блюдо, и чем-то неосязаемым, но давящим. Правилами. Традициями. Ожиданиями. Для меня, этот запах стал синонимом тоски за последние три года.

Мои родители были иными. Их мир дышал свежестью после дождя, кофе по утрам, красками — мама была художницей, и папиными дурацкими духами «для смелости», как он сам говорил. Папа владел маленьким кафе и часто брал с собой туда меня и маму. От них веяло свободой.

А потом их не стало. Автокатастрофа. Незадолго до моего шестнадцатилетия мир перевернулся, цвета потускнели, а единственным родным человеком, протянувшим руку — вернее, указательный палец, указующий на мои ошибки, — стала старшая сестра мамы, тётя Амина.

Она забрала меня к себе без раздумий. «Кровь — не вода,

хоть и разбавленная дурной примесью твоего отца-русского, — говорила она, смотря на меня сухими, как осенние листья, глазами. — Я не брошу дитя сестры на произвол судьбы, даже если оно воспитано без стыда и совести».

Ее дом был полной противоположностью тому, в котором я выросла. У нас смеялись громко, спорили о книгах, включали музыку, которая нравилась, а не которую «прилично» случать.

Здесь же каждый шаг был регламентирован. Стеллаж в гостиной, уставленный хрусталём, который нужно было протирать так, чтобы не оставить ни ворсинки. Портьеры, подобранные под цвет тех самых ковров. Тишина после девяти вечера, нарушаемая лишь молитвами тёти и её ворчанием.

— Оксана! — её голос, резкий и пронзительный, как игла, вонзился в мои мысли. Я стояла на кухне, пытаясь помыть посуду так, как она любила — сначала горячей водой, потом холодной, без единой капли средства, которое, по её словам, «оставляет ядовитый дух».

— Что, тётя?

— Иди сюда. И надень что-нибудь… приличное. В этой одежде у тебя видно плечи и все остальное. Словно ты готова на панель выйти, а не в доме порядочных людей находишься.

Я вздохнула, вытерла руки. «Что-нибудь приличное» означало максимум закрытости. Я натянула тёмно-синее платье с длинными рукавами и высоким воротником, подошло к зеркалу. Мне девятнадцать, а я выгляжу как гимна-

зистка из прошлого века. Мамины глаза, такие же серо-зеленые, смотрели на меня с поддержкой. «Держись, дочка», — словно говорили они. Но держаться было все сложнее.Тётя, на самом деле, не была плохим человеком, и обращалась со мной хорошо. Когда никого из чужих в доме не было, она разрешала мне ходить в том, в чем я привыкла, давала пользоваться интернетом, хоть и проверяла, что бы я не заходила на какие-либо, не подходящие приличной девушке, сайты. И многое делала для меня. Но когда кто-то должен был прийти к нам в гости, она делалась строже и не стеснялась в выражениях.

Я спустилась в гостиную. Тётя Амина, прямая как палка, суетилась вокруг стола, заставленного тарелками со сладостями: пахлава, чурчхела, варенье из грецких орехов — весь арсенал её гостеприимства, который выставлялся напоказ для важных гостей.

— Помоги мне. И не сутулься, — бросила она мне. — Сегодня к нам едут сваты. Для Лауры.

Сердце моё сжалось. Лаура — ее старшая дочь, моя кузина. Ей двадцать два, и она вся — порождение этого дома: тихая, послушная, вышивающая гладью подушки и мечтающая о замужестве как о высшей форме одобрения. Для неё это был счастливый день. Для меня — очередное напоминание, что я здесь чужая. Что моё будущее — это быть приложением к дому тёти, пока она не найдёт мне кого-нибудь «попроще», кто возьмёт «бесприданницу с испорченным ха-

рактером».

В окне послышался рокот мощного мотора. Тётя Амина встрепенулась, смахнула несуществующую пылинку со своего платья и позвала Лауру.

— Приехали. Встаньте ровно. Встречать гостей положено стоя.

Я послушно встала. Во двор с рёвом заехал чёрный, начищенный до зеркального блеска внедорожник. Из него вышли двое мужчин.

Первый — тот, что был старше и шёл впереди, имел вид хозяина жизни. Дорогой костюм, сидевший на нем чуть мешковато, но подчёркивавший мощь плеч. Тяжёлый, властный взгляд, который скользнул по дому, по тете Амине, по сестре, по мне — оценивающе, без тени смущения. Его лицо не было лишено мужественной красоты, но в нем читалась жестокость, уверенность в своём праве брать что угодно. Это был Тимур.

Тётя Амина редко говорила о мужчинах в положительном ключе. Чаще это были суровые предостережения: «Все они хотят одного», «Посмотришь на мужчину — уже грешница», «Честь девушки — это всё, что у неё есть». Но о Тимуре она говорила иначе. Его имя стало появляться в её монологах задолго до этого визита, и всегда — с подобострастным придыханием, с непривычной для её суровой натуры почтительностью.

Пока гости выходили из машины, тётя шепнула Лауре, а

заодно и мне:— Ты счастливица, Лаура. Такие мужчины, как Тимур, — редкость. Он построит для тебя крепость, в которой ты будешь в безопасности. Пусть стены этой крепости и будут из стали, а не из шелка, зато ни один ветер тебя не тронет. Он обеспечит тебя, защитит честь семьи. Это главное.

Я подумала, что Лауре, с её покорностью, возможно, и правда будет в такой «крепости» спокойно. А мне становилось душно от одной мысли о жизни за высокими стенами под присмотром такого «жёсткого» и «справедливого» стража.

— А чем занимается Тимур? — осмелилась спросить я, больше из вежливости, чем из любопытства.

Тетя Амина посмотрела на меня так, будто я спросила, какую-то глупость.

— Тимур... — она чуть обернулась ко мне, и в её глазах загорелся тот самый огонёк — смесь страха и восхищения перед силой. — Это человек с положением. Из очень хорошей, очень уважаемой семьи. Его отец, Аслан, имел полгорода в своих руках, а Тимур теперь умножает это богатство. У него и его младшего брата общий бизнес — склады какие-то, машины, может, ещё что. Он человек серьёзный. — Она произнесла это с одобрением, как высшую похвалу. — Никому спуску не дает. Слышала, как в прошлом году он одного своего партнёра разорил в пух и прах за то, что тот попытался его обмануть? Так тому и надо!

— Ну все, хватит болтать. Улыбайтесь.Я натянула дежур-

ную улыбку. И увидела, что второй гость наконец поравнялся с первым, взглянула на его лицо. И замерла.

У меня перехватило дыхание. Он был чуть моложе Тимура, но в его осанке была какая-то иная, природная уверенность. Чёрные волосы, чуть завивающиеся на затылке, тёмные глаза, в которых притаилась усмешка, будто он знал какую-то вселенскую шутку. И лицо… лицо, которое я видела во снах целый год.

Удар под дых. Сердце заколотилось, застучало в висках. Нет. Не может быть. Тот самый мужчина. Тот, чьи руки, чьи прикосновения, чей низкий смех я не могла забыть, как ни старалась. Он был здесь.

Наши взгляды встретились на долю секунды. В его глазах мелькнуло то же изумлённое узнавание, шок. Его улыбка исчезла. Затем он мастерски, лучше всякого актёра, надел маску полного безразличия. Его взгляд скользнул по мне, как по предмету мебели, и уставился куда-то в пространство за моей спиной.

И я сделала то же самое. Отвела глаза, вжалась в стенку, стараясь дышать ровнее. Мир закружился. Что он здесь делает? Кто он? Брат Тимура? Год я строила догадки, рисуя в воображении образ того незнакомца. Думая, что никогда его больше не увижу. И вот он здесь.

Тётя Амина засуетилась, приглашая гостей в дом и за стол. Посыпались традиционные приветствия.

— Проходите, дорогие гости, садитесь! Благословенную

пищу разделите с нами! Лаура, дочь моя, подавай чай! Тимур, Алан - присаживайтесь.

Так вот как его зовут...

Лаура, краснея, принялась разливать чай из чайничка. Я стояла в стороне, пытаясь стать невидимкой. Я чувствовала на себе взгляд. Пристальный, изучающий. Взгляд Алана. Он делал вид, что не смотрит, но я ощущала это.

Разговор за столом тёк медленно и церемонно. Говорили о деле Тимура, о погоде, о предках. Тимур расхваливал Лауру, называл её скромной и трудолюбивой. Тетя Амина сияла. Я смотрела в свою тарелку, чувствуя, как краска заливает щеки.

И тут Тимур неожиданно повернулся ко мне.

— А это кто? — спросил он, кивнув в мою сторону. — Я думал, что у вас только одна дочь.

— Это моя племянница, Оксана, — тётя Амина встрепенулась. — Сестра моя, царство ей небесное, вышла за русского, воспитала дочь… по-современному. Они с мужем погибли и она теперь живёт у меня. Я стараюсь вложить в неё правильные понятия и, так же, в будущем, выдать за хорошего мужчину.

Тимур не сводил с меня глаз. Его взгляд настораживал.

— Оксана… — произнёс он моё имя, будто пробуя на вкус. — Интересно. Очень интересно.

В комнате повисла неловкая пауза. Алан, сидевший напротив, взял со стола кружку с чаем. Я видела, как напряг-

лась его рука.

— Знаете, Амина, — Тимур вдруг повернулся к моей тете, отводя взгляд от меня, и его тон стал деловым. — Я посмотрел на твою дочь. Она прекрасна. Но я передумал.

У тёти Амины отвисла челюсть. Лаура побледнела.

— Но вы не переживаите, все в силе. Только с небольшими изменениями. Я женюсь на ней, — он указал на меня пальцем. — На Оксане.

Тишина стала абсолютной. Слышно было, как за стеной муха бьётся о стекло. Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Это была шутка? Что?

— Но… Тимур… — попыталась что-то сказать тётя. — Она же… она не подготовлена! Она не знает наших обычаев как следует, она…

— Мне не нужна горничная, — отрезал Тимур, его голос стал стальным. — Мне нужна красивая жена. Живая. Она подходит. Я решил.

Алан упорно смотрел в окно, в сторону гор, и его лицо было обращено к ним, а не к моей маленькой личной катастрофе.

— Но...— Молчи, Оксана. Можешь пока идти к себе в комнату. Мы поговорим с тобой позже.Я встала, поклонилась гостям и ушла. Ужас сковал меня. Ледяной, пронизывающий. Тётя же не отдаст меня за него? Она не станет...Перед глазами стоял образ Тимура, который произносит «Я решил». А следом - безразличное выражение лица того, кого

я любила.

Глава 2: "Любимый" брат

Оксана

Дверь в мою комнату закрылась, но не смогла оградить от гулкой тишины, воцарившейся внизу. Я стояла посередине, не в силах пошевелиться, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони. «Я женюсь на ней». Эти слова звенели в ушах, как набат, леденя душу. Взгляд Тимура, тяжелый и присвояющий, и… абсолютно пустой, отрешенный взгляд Алана.

Алан. Его имя обожгло меня изнутри.

Внизу послышались шаги, приглушённые голоса, потом — рокот мотора, который постепенно затих вдали. Они уехали. Решение о моей судьбе, кажется, было вынесено без моего участия.

Дверь скрипнула. В комнату зашла Лаура. Ее глаза были широко распахнутыми от растерянности.

— Оксана… — она тихо позвала. Я не могла вымолвить ни слова, лишь подошла к окну и раздвинула тяжёлую портьеру. Двор был пуст. Остались лишь следы от шин на ухоженном гравии.

Лаура встала рядом, тоже глядя в окно.

— Мама пыталась отговорить его… Говорила, что ты… что ты ещё не готова к замужеству, что у тебя слишком свободный нрав. Но он лишь отмахнулся. Сказал, что ему нра-

вятся дикие цветы, которые нужно приручать.

От этих слов стало ещё хуже. Я не хотела быть чьим-то трофеем, дикаркой для приручения.

— Прости, Лаура, — прошептала я. — Я не хотела… Я не просила этого.

Она мягко коснулась моего плеча.

— Я знаю. Я не обижаюсь. Честно. Я… я даже немного рада. Он такой… грозный. Мне было страшно. А на тебя… на тебя он смотрел иначе. Не знаю, хорошо это или плохо. Но иначе.

В дверь постучали, и в комнату вошла тётя Амина. Она выглядела постаревшей лет на десять. Морщины вокруг губ, всегда такие чёткие, казались глубже.

— Ну что, — выдохнула она, опускаясь на краешек моей кровати. — Сделано. Ничего нельзя изменить. Тимур не из тех, кто меняет своё решение. Он сказал, что пришлёт сватов через неделю.

Она посмотрела на меня, и в ее глазах впервые за три года я увидела не сухую строгость, а беспомощность и даже жалость. Я подошла к ней и села рядом, взяв её за руку.— Отказаться никак нельзя?

— К сожалению, нет. Знаешь, Оксана, буду честна. Я хоть и недолюбливала твоего отца из-за того, что сестра вышла за него и не стала соблюдать наших традиций... Но почему-то, думала, что тебе нужен такой же мужчина как и он. Дитя моё, я хотела для тебя другого. Тихой гавани, спокойного мужа.

Даже... Даже смирилась с тем, что ты, скорее всего, выберешь его сама. Но все случилось, как случилось. И, может, так и надо. Я правда не знаю.

Она погладила мою руку, жесткие пальцы непривычно нежно легли на мою кожу.

— Прими это. Другого выхода нет. Он не тот, кому можно сказать «нет».

Она ушла, уведя за собой Лауру. Я снова осталась одна. Подошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу, закрыла глаза. И позволила памяти унести меня туда, где не было ни Тимура, ни его решений. Туда, где был только он. Алан.**-`¸Тимур**

За рулём внедорожника сидел Алан. Я же устроился поудобнее на кожаном пассажирском сиденье, чувствуя под собой мягкий, но уверенный рокот восьмицилиндрового сердца. Всегда любил эту машину – высокую, мощную, непобедимную. Настоящего зверя, которого все боятся и уважают. Таким должен быть и я.

Бросил взгляд на брата. Он смотрел прямо, перед собой, его профиль был спокоен, но я знал – за этим спокойствием сейчас скрывается напряжение.

Как же он меня бесил. Этот «талантливый» младший брат, которому всё давалось чёртовски легко. Я пробивал себе дорогу кулаками и связями, завоёвывая уважение, а оно к нему просто липло, какое-то естественное, невымученное. Ему доставалось все, мне - ничего.

А потом умер отец. И всё его состояние, весь его бизнес, вся его «империя» – всё это по завещанию досталось мне, старшему сыну. Я ждал этого момента. Ждал, когда же наконец-то смогу занять трон и показать этому выскочке, кто здесь главный.

Но я облажался. Компания, которую я получил в руки, был сложным механизмом, а я не знал, с какой стороны к нему подойти. Пока я пытался понять, что вообще со всем этим делать, Алан, поняв что я не справляюсь, сам принялся за работу.

Он знал каждого поставщика, каждого клиента, каждую статью расходов. И он день и ночь вкалывал, расширял влияние, наращивал мощь, заключал выгодные сделки. Он ничего не просил, не требовал – он просто делал. И делал блестяще. Опять он был впереди меня... Снова.Хороший младший братик... Любимый сын... Весь такой правильный.Сука!

Но я всё равно взял своё. Он и не подозревает, что то завещание, что нам зачитывали, было искусной подделкой. Настоящее лежит у меня. Отец, старый козёл, в нём отписал мне жалкие крохи — дом, виллу, некоторые активы и деньги. Будто издевался! А бизнес — отдал Алану.

Но он должен быть моим. По праву крови. По праву старшинства.

Мы выехали за ворота, оставив позади этот душный домишко с его старомодными коврами. Я почти физически чувствовал, как Алан пытается не обернуться, не бросить по-

следний взгляд на то, что осталось там. На нее.

Оксана.

Увидев её, я почувствовал интерес. Она была как дикая лисица, забрёдшая на чинное чаепитие. Рыжая, с глазами, полными скрытого огня, и шикарным телом, которое даже это уродливое платье не могло скрыть.

Я успел увидеть, как мой брат… замер. Его маска идеального, невозмутимого мужчины дала трещину. Всего на секунду. Но мне хватило и этого, что бы все понять. В его глазах вспыхнуло то какое-то узнавание, этой рыжей девчонки, и вихрь эмоции отразился на его лице. Интересно...

И в тот миг решение созрело мгновенно, ясно и чётко, как приказ. Эта лиса, она будет моей. Не потому, что я сгорал от страсти. Нет. Но потому, что, взяв ее, я одним выстрелом убивал двух зайцев. Получал красивую, диковатую игрушку, которая потешит моё самолюбие, и – что куда важнее – наносил удар ему. Я отниму у него то, что он уже, видимо, мысленно считал своим. Снова. Как всегда отнимал у него все, что мог. Потому, что просто могу. Потому, что я достоин.

Молчание в салоне было густым, как смог. Он первый не выдержал.

— Зачем? – его голос был низким, без эмоций. Но я слышал сталь. – Лаура – идеальная кандидатура. Послушная, воспитанная, из хорошей семьи. А эта… Оксана. Она другая. С ней будут проблемы.

Я усмехнулся, наслаждаясь моментом.

— Именно потому и беру. Надоели эти куклы, которые кивают на все. Хочу живую. А проблемы… – я поймал его взгляд и улыбнулся широко, вызывающе. – Я люблю проблемы. Особенно те, что хорошо решаются в постели. Уже представляю, какой будет первая брачная ночь...

Его пальцы сжались в кулак. Да, он попался. Он клюнул. Это было даже лучше, чем я ожидал.

— Ты не подумал о деле? – сменил он тактику, пытаясь говорить на языке, который, как он считал, я понимаю. – Её тетка говорила, она наполовину русская. В нашем кругу это могут понять неправильно. Это может ударить по твоей репутации.

— Моя репутация, – отрезал я, – позволит мне жениться на ком я захочу. Даже на зелёной инопланетянке. А если кому-то не понравится… – я неоднозначно пожал плечами.

Он замолчал.

Мы подъезжали к городу. Огни ночных клубов и ресторанов манили обещанием лёгкого забытья. Я решил добить его. Протянуть соль на свежую рану.

— Кстати, завези меня в «Элит», в сауну, – сказал я небрежно, будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся.

Он медленно повернул ко мне голову. В его тёмных глазах бушевала буря, но голос оставался ледяным.

— В сауну? Сейчас? Ты же только что… объявил о помолвке.

— Ну и что? – я изобразил удивление. – Пока не женился, можно и повеселиться. А после свадьбы, знаешь ли, придётся хранить верность одной-единственной. Так что нужно успеть насладиться последними деньками свободы. Ты же понимаешь?

Он понял. Он понял все.

Алан резко дёрнул руль и прижался к обочине. Машина резко остановилась. Он повернулся ко мне, и впервые за долгие годы я увидел в его глазах чистый, нескрываемый гнев.

— Вали сам, – прошипел он. – Я тебя больше никуда не повезу. У меня дела.

Я расхохотался. Это был прекрасный вечер.

— Как скажешь, братец. Как скажешь. Не забудь – сватов нужно отправить через неделю. Организуй это сам. Для моей невесты все должно быть идеально.

Я вышел из машины, хлопнув дверью. Ветер был холодным и бодрящим. Я видел, как кулак Алана со всей силы ударил по рулю. И улыбка не сходила с моего лица.

Глава 3. Год назад

Алан

Сжимаю кожу руля. Гул мотора ревет, но я его не слышу - в ушах все ещё стоит самодовольный смех брата.

Оксана.

Почему она? Почему именно в этом доме, в этот вечер?

Я резко разворачиваю машину. Педаль газа вжимается в пол, и внедорожник с рыком бросается вперёд. Но я еду не домой. Руки сами поворачивают руль в знакомом направлении, назад, к тому домишке с коврами.

Я останавливаюсь на соседней улице от дома Оксаны, замираю в тени старого вяза. Гашу свет. И просто смотрю. Второй этаж. Везде тёмные окна. Какое из них её? Помнит ли она меня? Помнит ли тот вечер и ту ночь?

Год назад. После очередной ссоры с Тимуром, после того как он в очередной раз практически выкрал из оборота солидную сумму на свои бессмысленные развлечения, во мне что-то надломилось. Впервые я не поехал в офис разгребать последствия его выходок. Я направился в первый попавшийся полутемный бар.

И увидел её. Она сидела в углу зала, словно стараясь стать частью обивки дивана. Юная, слишком юная для этого места, с огненно-рыжими волосами, собранными в небрежный

пучок. Она болтала трубочкой в стакане, лёд давно растаял, превратив напиток в мутную воду. Она не пила. Было ощущение, что она просто ждёт кого-то и пытается убить время. Интересно кого. Подругу? Парня? Внутри что-то неприятно кольнуло - «Не тебя уж точно».

Я заметил, что не я один ее рассматриваю. Двое крепких парней у стойки бармена перешептывались, бросая на нее оценивающие, хищные взгляды. Меня скрутило от противного предчувствия. Но я тогда был полон собственной ярости, собственного бессилия.

— Не моё дело, — прошипел я сам себе, с трудом отводя взгляд. Заказал у бармена виски, опрокинул обжигающее содержимое в горло, швырнул на стойку купюры и направился к выходу, нуждаясь в глотке холодного воздуха.

Холодный ночной воздух обжёг лёгкие. Я закурил, пытаясь заглушить навязчивые мысли о девчонке. И когда почти докурил - дверь распахнулась.

Вышли они. И с ними — та самая рыжая. Ее тонкую фигурку буквально вытолкнули наружу. Она озиралась, взгляд испуганный, растерянный.

— Да ладно тебе, красавица, не упрямься! — один из них, тот, что пошире в плечах, обнимал ее за плечи слишком фамильярно. — Машина рядом, довезем. Куда скажешь. Нельзя такой малышке одной по ночам шастать.

— Спасибо, но не нужно. Я… я вызову такси, — её голос был тихим, но твёрдым. Она развернулась, сделав шаг к об-

ратно к бару.

— Зачем такси? Да мы свои ребята, не бойся, — вторил второй, преграждая путь к отступлению.

Я видел по их ухмылкам, по тому, как они переглядывались, — они уже все решили. Они видели в ней лёгкую добычу. Во мне закипело все то, что я пытался задавить алкоголем. Но я снова попытался отвернуться. Это не твои проблемы, Алан. У тебя своих полно.

И в этот момент она заметила меня. Посмотрела прямо в глаза. Что-то во мне громко щёлкнуло.

Ее уже оттеснили к машине. Один из парней грубо запихивал ее на заднее сиденье припаркованной иномарки. Она вскрикнула, поняв что происходит и что её не отпустят, и ему пришлось ладонью закрыть ей рот.

Гнев, который я подавлял сегодня весь день, нашёл наконец выход.

Я не помню, как оказался рядом. Не помню, как мой кулак врезался в скулу тому, что держал её. Удар был точным. Тот с хрипом осел на асфальт.

Второй опешил на секунду, потом его лицо перекосила злоба.

— А тебе че надо, падла? — он рывком рванулся ко мне.

Адреналин пел в крови. Я ловко уклонился от его неуклюжего замаха, схватил его за шиворот и со всей силы всадил его головой в стойку дверцы машины.

Глухой стук.

Он беззвучно сполз на землю.

Дыхание сбилось. В салоне, на заднем сиденье, она сидела, вжавшись в угол, прижав колени к груди. Глаза, огромные от ужаса, смотрели на меня. Но слез не было. Только испуг и какая-то звериная настороженность.

Я протянул ей руку.

— Они тебя не тронут теперь. Выходи.

Она медленно выпрямилась, ее пальцы дрожали, когда она взялась за мою ладонь. Ее рука была удивительно маленькой и хрупкой. Она выбралась из машины, шатаясь.

— С тобой все хорошо? — спросил я, все ещё не выпуская её руки из своей.

Она кивнула, попыталась что-то сказать, но вместо слов вырвался лишь сдавленный вздох. И тут её глаза закатились, колени подкосились. Она рухнула бы на асфальт, если бы я не подхватил ее.

Она была невесомой. Пахла дождем и чем-то сладким, незнакомым. Её рыжие пряди касались моего лица. Я стоял посреди ночной улицы с бесчувственной девушкой на руках и понимал всю сюрреалистичность момента.

И что мне с ней делать? Везти в больницу? Не уверен, что у меня не будет из-за этого проблем... По крайней мере пока она не придет в себя.

Осмотрел её визуально, насколько это было возможно. Дышит ровно, ушибов нет, алкоголем не пахнет - значит тот коктеиль и правда был для вида. Не было с собой сумочки,

лишь телефон. И тот севший.

Оставить её тут тоже было бы странным.

Принятое решение было единственным оставшимся вариантом. Я бережно уложил девушку на пассажирское сиденье своей машины, пристегнул. Она вся сжалась, даже без сознания выглядя уязвимой и потерянной. И... Безумно красивой...

Я повез её к себе.

Просто, чтобы она пришла в себя... Просто, чтобы потом вызвать ей такси и отправить домой. Просто, всего лишь на час... Просто, чтобы быть уверенным, что с ней всё в порядке... Просто...

...А сейчас, спустя год я вновь увидел ее. И Тимур хочет на ней жениться. Почему? Это просто ещё одна его прихоть, щелчок по носу мне? Он что-то понял?

Я не знаю. Но сжимаю руль так, что трещат пластиковые накладки.

Глава 4. Эхо прошлого

Оксана

Я вновь стояла у окна, прижав ладони к ледяному стеклу, но не чувствовала холода. Внутри меня бушевал пожар — от ужаса, бессилия и дикой, несправедливой боли. За стеклом царила непроглядная темень, такая же густая и безнадежная, как мое будущее. Тимур. Его имя отдавалось в висках тяжёлым, мертвенным звоном. Он решил жениться. На мне.

А потом взгляд Алана. Пустой, отрешенный. Будто между нами и не было ничего. Будто тот вечер, тот единственный вечер, который я пронесла в сердце через весь этот серый год, стёрся из его памяти без следа.

Я закрыла глаза, и сила воспоминаний оказалась сильнее воли. Давящая реальность комнаты тёти Амины поплыла, распалась и сменилась иной картинкой, иными ощущениями. Год назад...

Темнота. Но не страшная, а мягкая, бархатная. Я парила в ней, словно в невесомости. Сквозь сон я чувствовала сильные, уверенные руки, которые несли меня. Меня обволакивало тепло — исходящее от того, кто меня нёс, и странное внутреннее, рождённое чувством абсолютной защищенности. Я была как ракушка на дне океана — укрытая от всех бурь, в безопасности. Я инстинктивно прижалась к источни-

ку этого тепла, к этой твёрдой, надёжной груди, слыша ровный, чуть учащённый стук сердца под одеждой.

Потом ощущение мягкости под спиной. Я лежу на чем-то упругом и податливом. Парение прекратилось, но тепло осталось. Сознание медленно, нехотя возвращалось ко мне, собираясь по крупицам. Я застонала, пытаясь оторвать веки.

Потолок. Незнакомый, белый, с деревянной балкой посередине. Я резко села, и мир на мгновение поплыл перед глазами. Где я? Последнее, что я помнила — уличный фонарь, грубые руки, зажимающие мне рот, и… и его лицо. Строгое, разгневанное, прекрасное в своей ярости.

Я метнула взгляд по сторонам. Небольшая, но уютная гостиная. Кожаный диван, на котором я сидела, массивный деревянный стол, на стене — ковёр с причудливым орнаментом.

И он. Стоял напротив, прислонившись к косяку двери, скрестив на груди руки. Высокий, статный, в простой чёрной водолазке, которая лишь подчёркивала мощь его плеч и широкую грудную клетку. Жгучий брюнет. И те самые чёрные глаза, которые сейчас изучали меня с молчаливым, немногочисленным интересом.

Сердце заколотилось в панике. Незнакомое место. Незнакомый мужчина. Я инстинктивно шарахнулась назад, в глубину дивана, и моя рука нащупала на кожаном подлокотнике какой-то прямоугольный предмет. Я сжала его, как оружие, и выставила перед собой, пытаясь выглядеть угрожающе.

На его лице промелькнуло лёгкое удивление, которое тут же сменилось едва заметной, обезоруживающей улыбкой. Уголки его губ дрогнули.

— Если уж решила защищаться, то стоит выбрать что-то посерьезнее, — произнёс он. Голос был именно таким, каким я его запомнила — низким, бархатным, с густым, медовым акцентом, который обволакивал, как тёплый воздух летней ночью. В нем звучала не насмешка, а скорее, странная нежность.

Я опустила взгляд на своё «оружие» и почувствовала, как по щекам разливается густой румянец стыда. В моей дрожащей руке был обычный пульт от кондиционера. Я разжала пальцы, и пластиковая коробочка с глухим стуком упала на диван.

И только тогда до меня окончательно дошло, морок отступил. Это он. И правда он. Тот, кто появился из темноты и вступился за меня. Мой спаситель. Паника отступила, сменившись жгучим смущением.

— Извините, я… — я сглотнула комок в горле, опустив глаза. — Вы… вы тот самый…

— Да, — он коротко кивнул, не давая мне договорить и окончательно запутаться. — Не надо извинений. Я все понял по твоему боевому настрою. — Он оттолкнулся от косяка и медленно, чтобы не спугнуть, подошёл ко мне. — Как себя чувствуешь?

Я прислушалась к своим ощущениям. Голова была ясной,

лишь лёгкая слабость в ногах напоминала о недавнем стрессе.

— Нормально, — ответила я честно. — Я что… потеряла сознание?

— Да, сразу после того, как я вытащил тебя из машины тех ублюдков, — его голос на мгновение стал жёстким, а в глазах вспыхнули те самые опасные искры, которые я видела на улице. Но тут же смягчился. — Не знал, куда тебя вести, поэтому привез сюда. Это мой дом. Можешь не переживать, я ничего плохого тебе не сделаю. Просто решил помочь.

Он сел рядом на диван, не вплотную, оставив мне пространство, но его близость заставляла воздух вибрировать. От него исходила такая мощная, чисто мужская энергия, что мне снова стало трудно дышать, но теперь уже не от страха.

— Скажи, что ты делала в том баре одна, в такой час? — спросил он, и в его тоне не было допроса, лишь искреннее любопытство и неподдельная забота.

Отговорка про подругу вертелась на языке сама собой.

— Ждала подругу, она не пришла.

Но когда я открыла рот, произнеся эту фразу, я встретилась с его взглядом. Глубоким, проницательным. Он смотрел на меня так, будто видел насквозь, будто знал, что я вру. И врать ему не захотелось. Совсем. Рядом с ним, в этой тихой, безопасной комнате, я почувствовала странное, щемящее желание быть честной. С ним.

— Вы мне не верите, — констатировала я тихо.

Он усмехнулся, и вокруг его глаз легли лучики морщинок.

— В то, что такая девушка, как ты, будет в таком месте ждать подругу, которая в итоге не пришла? Нет, не верю. Но это твоё дело. Не хочешь говорить — не нужно.

Его слова стали тем последним толчком, который заставил меня сбросить оковы осторожности. Он спас меня, привёз к себе, не воспользовался беспомощностью, а теперь ещё и давал право молчать. Эта благородная щедрость растрогала меня до глубины души.

— Нет, я… я скажу правду, — выдохнула я. — Просто это так… глупо.

Я замолчала, собираясь с мыслями. Он не торопил меня, просто сидел и ждал, и его терпение было красноречивее любых слов.

— Это кафе… вернее, тот бар… — я начала, с трудом подбирая слова. — Раньше оно принадлежало моему отцу. Он был русским, а мама — местной. Они его вместе открыли, это было их общее дело. Не кафе, а… наша семейная обитель.

Я рискнула взглянуть на него. Он слушал, внимательно, не перебивая, и его глаза были прикованы к моему лицу.

— Там всегда пахло свежей выпечкой и кофе, — продолжила я, и голос мой окреп, наполняясь тёплыми воспоминаниями. — Мама рисовала эскизы за угловым столиком, а папа разливал гостям свой фирменный капучино с корицей. А я делала уроки там же, и все посетители меня знали и под-

кармливали круассанами. Они знали, что я могу их брать и так, ведь я дочка владельца, но все равно угощали меня.

Я замолчала, глотая подступившие слезы. Боль утраты была все такой же острой.

— Потом их не стало. Автокатастрофа. А кафе… кафе пришлось продать. Новые владельцы и сделали там этот… бар.

— Я помню то кафе, — вдруг тихо сказал он. — «Лаванда», да? На вывеске была ветка лаванды. Я бывал там пару раз. Уютное было место.

Его слова стали неожиданным бальзамом на душу. Кто-то ещё помнил. Кто-то ещё знал, что оно существовало.

— Да, — прошептала я, и губы сами потянулись в улыбке. — «Лаванда».

— Почему именно сегодня? — спросил он мягко. — Что заставило тебя пойти туда одной ночью?

И я выложила ему всю правду. Всю свою глупую, отчаянную, сентиментальную тоску. Рассказала про нашу семейную традицию — праздновать там каждый мой день рождения. Про торт «Красный бархат», который папа всегда заказывал специально для меня. Про то, что неделю назад мне исполнилось восемнадцать. Первый день рождения без них. И про то, что тётя, у которой я теперь живу, запрещала мне туда идти, хоть я и просила её. Она говорила, что все понимает, но это теперь совсем не то место и приличной девушке там не место.

А я… я просто хотела в последний раз побывать в том месте, которое когда-то было моим домом. Попрощаться. Пусть даже там теперь другое заведение, другие люди, другие запахи. Хотела почувствовать связь с ними, с родителями, хотя бы через асфальт под ногами, через стены, которые помнили их смех.

Глава 5. Первый поцелуй

Оксана

— Я понимаю, что это, наверное, глупо и неразумно, — закончила я, снова опуская глаза. — Сама напросилась на неприятности.

Он не ответил сразу. Тишина в комнате стала густой, насыщенной. Потом я услышала, как он сдвинулся с места. Он приблизился ко мне, и его палец коснулся моей щеки, смахнув одну-единственную предательскую слезу, которая все же вырвалась и покатилась вниз.

От его прикосновения по моей коже пробежали тысячи искр. Все внутри меня замерло, а потом забилось в бешеном ритме. Я подняла на него глаза, и он не отвёл руку, его ладонь теперь лежала на моей щеке, а большой палец медленно, почти задумчиво проводил по линии скулы.

— Это не глупо, — произнёс он тихо, и его голос гремел в тишине, как отдалённый раскат грома. — Это очень смело. И очень верно. Помнить. Чтить. Искать свою связь. Это самая сильная черта характера, какая только может быть. Сильнее любой осторожности.

В его словах не было ни капли снисхождения или жалости. Было уважение. Понимание.

— Спасибо, — смогла выдохнуть я. — Спасибо, что… поняли.

— Как тебя зовут? — спросил он вдруг.

— Оксана, — представилась я в ответ.

— Оксана, — повторил он, и моё имя в его устах зазвучало как редкая, прекрасная мелодия. — Твоё сердце, твоя преданность — это дар. Не позволяй никому убедить тебя в обратном. И уж тем более не называй это глупостью.

Мы смотрели друг на друга, и время словно остановилось. Он был таким непохожим на всех парней, которых я видела. В его властности не было насилия, в его силе — агрессии. Он был как скала, о которую разбиваются штормовые волны, но в которой таятся глубокие пещеры. Он был мужчиной. С большой буквы. Таким, о которых, казалось, уже не пишут в книгах и не снимают в фильмах. Таким, каким был и мой отец.

Мы разговаривали ещё долго. Потеряли счёт времени. Говорили обо всем и ни о чем. Он рассказывал о своём деле — что он сейчас занимается восстановлением компании своего отца, вместе с братом. Говорил о том, как он любит эти горы, что окружали наш большой недогородок, как любил ездить на коне на рассвете, когда мир ещё спит и принадлежит только ему. Я рассказывала о маминых картинах, о папиных шутках, о своих мечтах — поступить в университет, изучать языки, увидеть мир, который они так любили. И что, это возможно так и останется мечтой, но я все ещё верю, что смогу.

Мы открывались друг другу, как книги с самой увлекательной историей, и каждая прочитанная страница манила и

завораживала ещё больше. Мы находили общие черты, общие мысли, общее понимание жизни. Я ловила его на том, что замечала каждую его эмоцию — как загораются его глаза, когда он говорит о деле, которому предан, как мягче становится линия губ, когда он смотрит на меня. И я чувствовала, как он видит меня. Не испуганную девочку, не подростка, а женщину. Со своей болью, своей силой.

Притяжение между нами нарастало с каждым вздохом, становясь почти осязаемым, подобно электрическому разряду, бегущему по коже. Слова оказались ненужны, предательски грубы и неуклюжи. Мы говорили взглядами — томными, полными тайных обещаний. Его чёрные, бездонные глаза изучали малейшую чёрточку моего лица, задерживались на губах, и в их глубине пылало то же нетерпеливое, жгучее желание, что пульсировало и во мне, сметая все преграды.

Наступила пауза — долгая, звенящая, многозначительная. Мы просто сидели, погруженные в мягкий свет лампы в его гостиной, и воздух между нами стал густым, сладким, как патока. Он медленно, давая мне время отстраниться, приблизил своё лицо к моему. Я видела каждую чёрточку его лица — густые ресницы, отбрасывающие тени на скулы, непокорную прядь непослушных волос на лбу, решительную линию бровей. Я чувствовала его дыхание на своих губах. Теплое, ровное.

Я не отстранилась. Я закрыла глаза и сама сделала этот последний, сокрушительный шаг навстречу.

Его поцелуй был не таким, каким я его представляла. Вопреки его силе и властности, всей его мужественной природе, он был бесконечно нежным, почти робким. Он просто прикоснулся к моим губам своими, мягко, бережно, будто боясь спугнуть или сломать. Это было одновременно и вопрошание, и утверждение; и обещание, и его свершение.

Это был мой первый поцелуй.

И в нем не было ни капли юношеской неопытности или жадности. В нем была вся мощь зрелого мужчины, который умеет сдерживать свою страсть, чтобы подарить женщине нежность.

Я ответила ему, слегка приоткрыв губы, и его руки обвили мою талию, притягивая меня ближе. И тогда мир взорвался. Остались только я и он. Всё остальное — комната, время, законы и условности — расплылось, исчезло, превратилось в пыль.

Весь мир теперь умещался в жаре его губ. В опьяняющем, дурманящем запахе его кожи — свежем, с терпкими нотами дыма, кожи и чего-то древесного, глубокого, что сводило с ума. В испепеляющем огне чувств, и в железной хватке его рук, которые держали меня так, будто я была самой желанной, хрупкой и бесценной драгоценностью.

В тот миг не существовало ни тёти Амины, ни правил, ни прошлого, ни пугающего будущего. Были только мы.

И вселенная, затаив дыхание, остановила свой бег, подарив нам эту короткую, бесконечно совершенную вечность.

Воспоминание таяло, как мираж. Тепло его губ сменилось ледяным холодом оконного стекла. Я открыла глаза. Все та же комната. Все та же ночь за окном. Все тот же приговор, вынесенный Тимуром.

Слезы, наконец, хлынули из моих глаз, беззвучные и горькие. Он был братом Тимура. Алан. Теперь я знала его имя. И он молчал. Он видел, как его брат объявлял меня своей собственностью, и он молчал.

Боль от этого предательства была острее и страшнее, чем ужас от слов Тимура. Потому что в ту ночь, в том доме, мне показалось, что я обрела нечто настоящее. А оказалось — это было всего лишь мимолётное утешение от красивого незнакомца, которое он с лёгкостью забыл.

Глава 6. Запретное признание

Оксана

Сваты уехали. Все решено. Моя судьба была обговорена, оценена и продана без моего участия, словно я была вещью на базаре, а не человеком.

В доме воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь тиканьем старых часов в гостиной. Я слышала приглушённые голоса внизу — тётя Амина и Лаура. Их шёпот казался мне заговором, участницей которого я стала против своей воли. Я ждала, затаив дыхание, чего? Чуда? Что дверь распахнётся, и тётя скажет, что это была лишь жестокая шутка? Но знала, что этого не произойдёт.

И тут шаги на лестнице. Тяжёлые, уверенные, мужские. Не лёгкая поступь Лауры и не шаркающий шаг тёти. Сердце упало в пятки, замерло, а потом забилось с такой силой, что стало трудно дышать. Он не уехал со сватами? Он поднимался ко мне...

Дверь отворилась без стука. Тимур стоял на пороге, заполняя собой все пространство. Его мощная фигура казалась еще больше в тесной комнатке под крышей. Он окинул взглядом мою скромную обитель — кровать с кружевным покрывалом, книжную полку, старый комод, и на его лице появилась усмешка, словно он оценивал свои новые владения и находил их смехотворными, но милыми.

— Ну вот, — произнес он, и его голос, низкий и властный, гулко отозвался в тишине. — Остались одни. Как и положено жениху и невесте.

Он сделал шаг внутрь, и я инстинктивно отпрянула к окну, прижимаясь спиной к холодному стеклу. Запах его дорогого парфюма, тяжелый и терпкий, ударил мне в нос, смешиваясь с привычным запахом старого дома и вызывая тошноту.

— Не бойся меня, Оксана, — он приблизился, его взгляд скользил по мне, изучающий, присваивающий. — Скоро мы станем мужем и женой. Мне не безразлично, что ты чувствуешь.

Он был так близко, что я видела каждую пору на его лице, каждый жесткий волосок в его ухоженной бороде. Его глаза, темные и пронзительные, не отпускали меня.

— Я знаю, это неожиданно для тебя. Но поверь, я способен оценить такую жемчужину, как ты. Твоя тётя пыталась отговорить меня, специально говорила о тебе как о проблеме, о дикарке. Но я вижу в тебе огонь. А огонь можно направить в нужное русло. Сделать его своим союзником.

Он протянул руку, собираясь коснуться моей щеки. Я замерла, не в силах пошевелиться, парализованная страхом и отвращением. Его пальцы были всего в сантиметре от моей кожи, когда он продолжил, и его голос стал тише, интимнее, но от этого еще более опасным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.